

Научная статья

УДК 821.111-311.2 Грэм Грин + 821.111(410)“19” + 81’42 + 808.1

DOI 10.15826/izv1.2024.30.3.051

ГРЭМ ГРИН: ЕГО ВЕРА, ГРАЖДАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ, ЕГО «ТИХИЕ» АМЕРИКАНЦЫ

Владимир Гаврилович Бабенко

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия,

vlad.gavrilovich.b@yandex.ru

А н н о т а ц и я. Грэм Грин (Graham Greene) рассматривается как крупнейшая фигура в истории британского романа XX в., мастер психологического портрета и незабываемого сюжета. Декларировавшийся им католицизм вступал в противоречие с догматами официально-церковного католицизма, потому что всегда представлял собой сложный сплав веры в Бога, идейно-политических устремлений и реальных психологических состояний людей в определенных социальных ситуациях. Творческое и публицистическое наследие Грина огромно и достойно самых крупных по объему исследований. Целью данной юбилейной статьи является характеристика основных этапов духовно-творческой эволюции Грина-прозаика в самые плодотворные десятилетия его жизни (1930–1960-е гг.), выделение тех его произведений, где наиболее отчетливо выразилась его гражданская позиция, изучение которой, особенно в плане его отношения к США, представляется сегодня столь актуальным. В задачу автора входит анализ эволюции героя гриновских романов от «Меня создала Англия» до «Комедиантов» на фоне современных социально-политических изменений на планете. Используются элементы метода историко-сравнительного анализа, а также приводятся воспоминания автора статьи.

К л ю ч е в ы е с л о в а: английская литература XX в.; Грэм Грин; творческое наследие; творческая эволюция; гражданская позиция

GRAHAM GREENE: HIS FAITH, CIVIC POSITION AND HIS 'QUIET' AMERICANS

Vladimir G. Babenko

Ural Federal University,

Ekaterinburg, Russia,

vlad.gavrilovich.b@yandex.ru

A b s t r a c t. Graham Green is regarded as the greatest figure in the history of the 20th century British novel, a master of psychological portrait and unforgettable plot.

© Бабенко В. Г., 2024

The Catholicism he declared contradicted the dogmas of official church Catholicism, because it was always a complex fusion of belief in God, ideological and political aspirations, and real psychological states of people in certain social situations. Green's creative and journalistic heritage is huge and worthy of the largest volume of research. The purpose of this anniversary article is to characterise the main stages of Green's spiritual and creative evolution as a novelist during the most fruitful decades of his life (1930–1960s), to highlight those of his works that most clearly express his civic position, the study of which, especially in terms of his attitude to the United States, seems so relevant today. The author's task is to analyse the evolution of the hero of Green's novels from "England Made Me" to "The Comedians" against the background of contemporary socio-political changes on the planet. Elements of the method of historical-comparative analysis are used, as well as the memoirs of the author of the article.

К е у w o r d s: 20th century English literature; Graham Greene; creative heritage; creative evolution; civic position

К 120-летию английского писателя Грэма Грина

Я хочу сказать: католик согрешит скорее, чем кто-либо иной. Думаю, что, может быть... потому что мы верим в дьявола...мы больше сталкиваемся с ним, чем другие люди... Но мы должны надеяться... надеяться и молиться.

Г. Грин. Брайтонский леденец. 1938

Я в самом деле боюсь, что самый тяжелый удар по свободе был нанесен этой страной, не сумевшей подать пример всему миру.

Ч. Диккенс — о США. 1842

Для мировоззрения Грэма Грина (1904–1991), да и для его «гринландии» (созданного им художественного мира) важна антонимическая оппозиция «лояльность — нелояльность». Причем он понимает лояльность не как верность или корректность, что общепринято, а скорее как нечто близкое соглашательству и трусости, как стремление отсидеться в теплом месте. Он всегда видел себя современником и участником бурной идейно-политической борьбы на арене XX в., активным гражданином не только Великобритании, но и всего остального мира. Этим он решительно отличался от таких своих старших современников, как Джон Голсуорси или Сомерсет Моэм. Он вникал в философские и политические «измы» и с течением времени во всех разочаровался. Он видел и описывал ужасные преступления. Многие написанные им страницы производят тяжелое впечатление. Вместе с тем он остался далек как от мрачной футурологии Джорджа Оруэлла, так и от наивных политических упований друзей СССР типа Джеймса Олдриджа, хотя к русским всегда относился с большой и нескрываемой симпатией, что во времена холодной войны считалось на Западе кощунством, если не преступлением.

Он не боялся проповедовать нелояльность в самых неожиданных случаях. В 1969 г. на церемонии вручения ему Шекспировской премии в университете Гамбурга он произнес речь *The Virtue of Disloyalty* («Добродетель нелояльности» в пер. Т. Ланиной или «Доблесть нелояльных» в пер. В. Голышева), речь о Шекспире, предупредив слушателей, что выбор темы вряд ли понравился бы великому барду. Он охарактеризовал барда как «величайшего поэта консерватизма», не без сарказма сравнил Шекспира с отставным колониальным губернатором, у которого «мир ассоциируется с твердым управлением». Грин говорит: «Править легче, когда люди кричат: “Галилеянин”, “Папист”, “Фашист”, “Коммунист”. Не задача ли писателя выступать адвокатом дьявола, взывать к сочувственному пониманию тех, на кого не распространяется государственное одобрение?» Он видит самую глубокую трагедию в жизни Шекспира в том, что драматург закрыл глаза на ужасы своего века, никогда не выступал против власти монарха, придерживал язык «ради придворной дружбы и большого дома в Стратфорде» [Грин, 2014, с. 12–16]. Кто еще мог бы сказать такие вещи о Шекспире на вручении премии его великого имени?

Он противопоставил Шекспиру поэта-диссидента Роберта Саутвелла (1561–1595), казненного в Англии после трехлетнего заключения и жесточайших пыток. Имя Саутвелла было выбрано далеко не случайно. В эпоху официальных гонений на католиков и насаждения сверху англиканского протестантизма он тайно проводил католические мессы. Был арестован во время очередного богослужения, подвергнут допросам на дыбе. В тюрьме писал стихи, передавал их на волю. Паписты переписывали их и заучивали наизусть. После смерти Елизаветы I они увидели свет.

Отец Шекспира, по всей вероятности, был тайным папистом. Бард предпочел избегать темы гонений за веру, выбрал умолчание. Саутвелл же в 1929 г. был причислен папой Пием XXI к лику блаженных, а затем и канонизирован в 1970 г., что Грин, сам принявший католичество в 1926 г., воспринял как победу писателя-мученика над мракобесием, как пример для подражания. При крещении Грин получил (выбрал себе) имя Томас в честь Фомы неверующего. Так он начал проводить в жизнь свой принцип нелояльности.

По биографическим описаниям Грина, как зарубежным, так и российским, гуляет отчасти инспирированное самим писателем утверждение: он стал католиком по примеру его невесты Вивиен, католички. Утверждение весьма поверхностное. Молодой Грин часто впадал в депрессию, не видел цели будущей жизни, с ним случались припадки, в том числе во время длинных проповедей в англиканском храме. Святослав Бэлза, лично знакомый с Грином, отметил: «Произошло событие, наложившее отпечаток на всю его жизнь: в начале 1926 года он принял католичество. Поводом для такого поступка послужило то обстоятельство, что его невеста Вивиен была католичкой; но имелись и более веские причины: приходскому священнику удалось убедить начинающего писателя в том, что католическая религия ближе к истине, чем протестантская. <...> Скептик по натуре, Грин и к вере относился рассудочно» [Бэлза, с. 13–14]. Сказанного Бэлзой тоже

недостаточно. Грин не любил пафосных слов. Он никому не открывался до конца. Не любил окончательных формулировок. Обращаясь к тем, кто попытался затевать с ним «духовный шантаж», Грин пояснил: «Я не автор католических романов, но писатель, который для четырех-пяти своих книг избрал персонажей, разделяющих идеи католицизма. <...> Я вовсе не знаток в делах веры» [Грин, 2007, с. 251, 252]. Подобные высказывания встречаются у него не раз. В них он всегда не договаривает. Только в романах он пытается раскрывать весь спектр своих переживаний через персонажей, более или менее близких, созвучных ему.

Речь в Гамбурге стала итогом духовно-творческих исканий сорока с лишним лет.

Рамки статьи не позволяют подробно рассмотреть эволюцию героев Грина, его гражданской позиции. Он преодолел определенно значимый рубеж в 1935—1936 гг., когда были опубликованы роман «Меня создала Англия» (*England Made Me*) и книга о поездке в Африку «Путешествие без карты» (*Journey without Maps*).

«Меня создала Англия» — безысходно-трагическая, болезненная книга, несущая печать влияния Джеймса Джойса (потоки мыслепечатлений героев) и позднего Шекспира. Мотив любящих друг друга близнецов, Энтони и Кейт, становится метафорой Англии, влюбленной в самое себя и в свою же половину. Беспомощная и бесперспективная любовь сестры и брата и их попытка жить старыми идеалами обрекают Энтони на смерть, а Кейт — на глубокое горе. Энтони Фаррант в чем-то напоминает самого Грина («высокий, широкий в плечах, худощавый и немного утомленного вида», с неотразимым мужским обаянием), лелеявшего вместе с Вивиен мечту о братской любви и чисто духовной связи, с годами рассыпавшуюся в прах. Чем Энтони пытался защитить свой внутренний мир от власти хищников-дельцов новой формации, на что опирался? На идеалы отца: «Не выдавай своих чувств. Не теряй голову в любви. Будь целомудрен, благоразумен, возвращай долги. Ничего не покупай в кредит...» Отец знал пьесы Шекспира и был убежден, что Шекспир «...не был циником. Питал глубокое доверие к человеческой природе. Главное — быть целомудренным, благоразумным, возвращать долги, быть сдержанным в любви» [Грин, 1992, т. 1, с. 87–88]¹.

После убийства идеалиста-бунтаря Энтони, которого один из дельцов посчитал опасным для бизнеса, Кейт размышляет:

— Мы все воры. Хватаем, что плохо лежит и ничего не даем взамен.

Так вы до социализма договоритесь, — фыркнул Минти.

— Вот уж чего нет — того нет, — сказала Кейт. — Это не про нас. Братских отношений в нашей лодке не признают. Хватай кусок побольше и благодари Бога, если умешь плавать (т. 1, с. 221).

Горький итог романа: идеалы отцов смехотворны. Англия убивает верных идеалам отцов. Как Ирландия Джойса, которую он уподоблял свинье, пожирающей своих поросят.

¹ Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием номера тома и страницы.

Грина захватывала идея бегства из Англии, подобно тому как это было десятилетием раньше у Джойса и его героя Блума, сознававшего, что и бегство ничего не изменит, ибо одиноко и страшно везде: «Проходят весь этот путь: Испания, Гибралтар, Средиземное море, Ближний Восток... <...> Земля его лежит там. И больше не может уже родить. Мертва... <...> Седой ужас опалил его плоть» [Джойс, с. 49]. Грин оказался в Западной Африке и совершил смертельно опасное путешествие по джунглям Либерии, где неминуемо должен был заболеть тяжелой формой лихорадки, что и случилось. В тропических джунглях при ночевке в каком-то сарае, где бегали крысы, он, мечтавший о самоубийстве, в ужасе от того, что больше ничего не напишет, обрел новый ориентир: «Когда я погасил фонарь, крысы стали прыгать с потолка вниз, но крыс я больше не боялся. Я открывал в себе то, чем, казалось, никогда не обладал: любовь к жизни» [Грин, 2007, с. 205].

Он продолжил поиски героя, способного бороться со злом, при создании романа *Brighton Rock* (1938), название которого переводят то как «Брайтонский утес» (или «скала»), то как «Брайтонский леденец», причем каждый вариант не является ошибочным и каждый не передает полного смысла. Начиная с названия этот философский триллер (странное определение жанра, но, кажется, единственно верное) вызывает ощущение невыразимых загадок жизни, парадоксов сознания и поступка. Многие главы написаны кистью гения, хотя книга в целом представляется несколько затянутой. Повествование Грина о подростке-преступнике, на вид хладнокровном убийце по прозвищу Пинки (*pink* — розовый, а также «удар», «избить сильно»), о слепой любви к нему забитой девчонки Роз в XXI в. необыкновенно впечатляюще и актуально.

В романе возникает образ Айды Арнольд, веселой разбитной толстухи и певуньи, не верующей ни в Бога, ни в черта, взявшей на себя добровольно роль детектива и добившейся в финале разоблачения бандитов и самоубийства Пинки. Детективная литература знает множество необычных персонажей детективов не по должности, а по велению ума и сердца. Айда — совершенно своеобразный противоречивый образ беспокойной, нелояльной ко злу натуры. Она жизнелюбива. Она эксцентрична. Этими чертами напоминает Энтони Фарранта, в отличие от которого, поражает своего друга Фила Коркери «могучей силой и целеустремленностью». Не исключено, что образ Айды родился в воображении Грина под впечатлением от образа эксцентричной чудачки Бетси Тротвуд из «Дэвида Копперфильда» Ч. Диккенса. Почему она расследует смерть человека, который не имел к ней никакого отношения, почему рискует жизнью? Ее увлекает сам процесс преследования преступника, ей даже жаль, что «все подходит к концу».

- А что тут дурного? Просто мне нравится делать добро, вот и все.
- В нем возникло неясное чувство протеста.
- Ну и согрешить ты тоже не прочь. <...>
- Ну и что же. Это ведь не грех. И никому не приносит вреда. Это ведь не убийство.
- Священники утверждают, что это грех.
- Священники! — презрительно воскликнула она. — Но даже католики в это не верят! (т. 1, с. 461).

Она полна презрения к англиканской церкви. В отличие практически от всех крупных персонажей романа, она не колеблется в выборе между добром и злом. Она наказывает преступившего закон. По мнению знатока творчества Грина, «правдивость Айды — проявление безбожия, а присущие ей принципиальность, ответственность, обязательность сопряжены с самовлюбленностью и эгоизмом. <...> И — ничего человеческого». Она «опаснее всякого садиста с бритвой» [Ливергант, с. 97, 98]. Это ли хотел сказать Грин? И да и нет. В поведении Айды само жизнеутверждение восстало против садистов с бритвами. Кому было бы лучше, если бы она впала в гамлетовское сомнение и не призвала на помощь полицию? Вернее будет сказать, что в финале книги Грин говорит читателю: любовь к жизни недостаточна для человека бунтующего, не бывает истинного Героя без Веры.

«Брайтонский» роман привел писателя к «мексиканскому» роману *The Power and the Glory* (1940), который часто называют лучшим его творением. Название переводят как «Власть и слава» и «Сила и слава». «Путеводитель по английской литературе» рекомендует первый вариант [Путеводитель..., с. 137]. Между тем нельзя не заметить, что название соотносится с молитвой «Отче наш» из Нагорной проповеди (*For Yours is the Kingdom and the power and the glory forever. Amen.* — Матт. 6 : 13), и завершающая текст Матфея доксология звучит в синодальном переводе так: «Ибо Твое есть Царство, и Сила и Слава вовеки. Аминь».

«Сила и слава» не публиковалась на русском языке в течение 50 лет после создания, до журнальной публикации 1989 г. в «Иностранной литературе». Советские литературоведы вскользь упоминали о романе с названием «Власть и слава». Никто не хотел быть обвиненным в религиозной пропаганде, в неприятии революционеров. Александр Мень, протоиерей, богослов, заслуживший высокие отзывы патриарха Алексия II, перевел роман в 1995 г. [Грин, 1995]. Спустя годы появился и CD-диск с записью голоса отца Александра, читающего отрывок из романа [Грин, 2008].

В статье памяти Франсуа Мориака, очень близкого Грину, он сказал: «Со смертью Г. Джеймса английский роман утратил религиозное начало, а с ним и сознание важности человеческого поступка. Литература как бы утратила одно из своих измерений» [Грин, 2007, с. 332]. Как же он сам выразил это религиозное начало в романе?

В 1938 г. Грин отправился в Мексику выполнять заказ на книгу о религиозных преследованиях в регионах этой страны, охваченных революцией. Он думал: в тропиках, «там, где собираются орлы, возможно встретить Сына Человеческого». Его многолетние размышления о протестующем герое приобрели новые смыслы, когда в Мексике он узнал о покойном падре Про, бесстрашном священнике, который под страхом смерти в стране, захваченной воинствующими атеистами, тайно служил мессы, совершал побег, возносил славу Христу перед расстрелом.

В романе «Сила и слава» создана классическая ситуация трагедии: священник, внешне жалкий и слабый, служит народу, но преследующий его революционер-лейтенант, в собственных глазах — рыцарь без страха и упрека, воплощение правды и добра, убивает людей, принимавших священника. Герой таким образом

становится как бы косвенно повинным в смерти верующих. Он вынужден оставить служение. Служить народу необходимо; служить народу нельзя! Он бежит из страны-ада, он возвращается в страну ради спасения души закоренелого убийцы и сам попадает в руки убийц. Его предал метис (современный Иуда). Он, не вооруженный ничем, кроме силы духа, наводит страх на своих преследователей-убийц. Станным образом трагикомическая сцена расстрела падре наводит на мысль о явлении нового святого народного героя XX в.

Негласно запрещенный в СССР, роман был запрещен и папой Пием XII. Со временем Грина вызовут в Вестминстерский собор, где кардинал зачитает ему требование папы внести изменения в текст романа. Гонения на роман отменил папа Павел VI. Уникальная история!

В сюжете романа-погоны за «преступником», который окажется народным героем, Грин по-новому и неожиданно вскрыл извечный парадокс христианского вероучения: проповедник непротivления преподает урок мощного сопротивления организованному, вооруженному социальному злу. Опыт, приобретенный при создании романа «Сила и слава», явно сказывается в более поздних книгах, посвященных сопротивлению военно-диктаторским режимам, — в «Тихом американце» (1955) и «Комедиантах» (1966).

С «Тихого американца» (*The Quiet American*) начинается (буквально вспыхивает) популярность Грина в СССР. Роман издается на русском языке в 1956, 1958, 1959 гг. огромными тиражами. Автор настоящей статьи, будучи студентом, изучал английский язык по изданию «Тихого американца» на английском; сегодня не нашлись выходные данные этого издания. Грин в 1957 г. дважды посещает СССР, знакомится с Москвой, Ленинградом, Ясной Поляной. О нем говорят как о друге СССР до 1967 г., до его выступлений в защиту диссидентов Синявского и Даниэля и последовавшего за тем запрета на публикации его книг. «Всю жизнь Грин был диссидентом — на очень английский лад» [Колкер]. Проходит 20 лет, отменяется политическая цензура — и снова трижды подряд печатается «Тихий американец». Уже в недавние годы он снова вышел на английском [Greene]. По тиражам с этим романом могут сравниться только его «Комедианты» (*The Comedians*), напечатанные у нас в серии «Роман-газета» (1967) тиражом в миллионы экземпляров, да еще «Человеческий фактор» (*The Human Factor*, 1978), опубликованный в журнале «Огонек», выходившем тиражом 1 млн 774 тыс. экземпляров. В США по «Комедиантам» был снят кинофильм (1967, *Metro-Goldwyn-Mayer*, сценарий Г. Грина, в ролях звезды — Р. Бертон, Э. Тейлор, А. Гиннесс, П. Устинов).

С середины 1950-х гг. Грин как журналист и тайный агент объездил многие страны Азии, Африки, Латинской Америки, зарабатывал многочисленными публикациями, менял и корректировал свои политические взгляды, лично встречался с крупными политическими деятелями. В нем окончательно укрепился настрой на борьбу с неокOLONиализмом и американизмом. Он понимал американизм не только в узком плане, как идею превосходства американской нации, но и в более широком — как пропаганду быта, поведения, питания и пр. Гораздо позже на вопрос интервьюера «Что вам не нравится в современной

цивилизации?» он ответит: «Америка. Под этим словом я подразумеваю все то, что не имеет никакого отношения к самой Америке: телевидение, всякие новшества быта, овощи в целлофановой упаковке, замороженную еду и тому подобное!.. Конечно, Америка к этому не сводима, просто я использую это слово» [Грин, 2007, с. 373].

Он стал свидетелем начала так называемой «грязной» войны США во Вьетнаме, бывшей колонии Франции, и создал в своем романе образ «тихого» американца Олдена Пайла, который навсегда стал журнально-газетным клише для обозначения внешне красивого, культурного, безусловно нравственного благодетеля, пропагандиста американизма в красивой демократической обертке, а на деле — тайного террориста, организатора массовых убийств мирных вьетнамцев, поддерживающих своих партизан. Крепкий парень Пайл однажды спасает от смерти английского журналиста Фаулера. Он же стоит и за взрывом бомбы в городском кафе, когда Фаулер чудом не погиб. Фаулер (очередной образ нелояльного), полуопустившийся, нетрезвый и как будто безнравственный в личной жизни, открывает грязную подоплеку «миссии» Пайла, преодолевает англосаксонскую солидарность и решает ликвидировать «тихого» американца руками подпольщиков. По понятным причинам роман «Тихий американец», психологически глубокий и сюжетно увлекательный, был враждебно встречен в США и странах, где американцы насаждали послушных им диктаторов. Исследователь «главных» романов Грина из Стэнфорда просто «не заметила» в то время «Тихого американца», высоко оценив многогранно раскрытую им тему любви в других книгах [Kohn, p. 22]. В XXI в. восприятие Грина в США изменилось. Так, независимое новостное издание «Остин хроника» в 2013 г. распространило материал о нем как о «титане британской литературы» [Dangerous Edge...].

Мнение западного публициста: Грин «...как журналист поддерживал антикоммунистическую кампанию французских колониалистов. И вместе с тем ему ничего не стоило петь хвалу коммунизму в пику американцам. <...> Антиамериканизм заставлял Грина бездумно поддерживать центральноамериканские революционные и народные движения и их лидеров — Кастро, Трухильо, Торрихоса и сандинистов... чьи идейные установки были сомнительны, а политические методы отличались жестокостью» [Лодж]. Так ли уж «бездумно» работал журналист и прозаик Грэм Грин? Не точнее ли будет сказать, что его метания проистекали от сознания невозможности быстрых политических перемен на земном шаре, от отчаяния при виде прочности американизма?

«Комедианты» создавались в эпоху развития на Западе философии абсурдизма, повсеместного кризиса реализма в искусстве. В репертуаре театров надолго закрепились пьесы С. Беккета, Э. Йонеско, режиссеров «театра жестокости». Ширилось влияние Ф. Кафки. Обрел популярность французский «новый» роман. Грэм Грин остался верен реализму, но абсурдизм как важное достояние эпохи холодной войны и страха перед ядерным апокалипсисом наложил на его творчество свой отпечаток. Название «Комедианты» вместило в себя горькое чувство невозможности противостоять миру трагических угроз смехотворными

заклинаниями о чести, достоинстве, демократии. Оно вместило и «путаную комедию нашей личной жизни», и убеждение, что «некий властный шутник завладел всеми нами» и «влечет всех нас к кульминационной точке комедии» (т. 4, с. 31). Писатель ищет оправдание в том, что «...отчаяние сродни правде. Исповеди отчаявшегося человека обычно верят, и как не каждый может чистосердечно покаяться на смертном одре, так и смелость отчаяния дарована избранным» (т. 4, с. 79). Вновь в его воображении возникают «тихие» американцы мистер и миссис Смит (самая популярная фамилия англоязычного мира), прибывшие на остров Гаити, где свирепствует проамериканский диктатор-палач Дювалье, с идиотской «миссией» открытия вегетарианского центра и центра вегетарианской драматургии. Когда их миссия проваливается, мистер Смит в аэропорту разбрасывает в толпе доллары и местные деньги, что приводит к драке нищих и полицейских. Почему? Потому что эти деньги он бы все равно бессмысленно растранижил (т. 4, с. 181). Впрочем, главному герою романа Брауну, человеку-никто, никакому, Смиты кажутся не комическими, а полными героизма деятелями. Хотя бы потому, что они безвредны. Браун, чем-то похожий на Фаулера и отчасти, в бытовом плане, на самого Грина, ненавидит и боится диктатора и хочет немногого — сохранить собственность, встречаться с любовницей... Но и этого он лишится. Дювалье в глазах американцев — оплот борьбы против коммунистов, этим и силен! Комический абсурд Грина, как всегда, полон социального смысла.

Сегодня в магазинах России нет книг Грэма Грина. Не издают. Почему? Антиамериканец? Почему нельзя купить книги «лучшего английского романиста нашего века»? [Шекспир, с. 270]. Не издается «Конец одного романа» (1951), одна из лучших книг о любви, написанных по-английски, не издается и роман «Ценой потери» (1961), и многие другие замечательные вещи.

Автор статьи никогда не видел писателя лично. Но однажды представился случай увидеть его почти как живого. Это произошло в 1983 г. в квартирке профессора МГУ Валентины Васильевны Ивашевой, находившейся с Грином в длительной переписке и неоднократно встречавшейся с ним на Западе и в Москве. Книги Ивашевой в то время много значили для зарубежных англофилов. Сегодня, к сожалению, информации о них нет в интернете (см.: [Ивашева, 1962, 1967, 1983]). На столе Валентины Васильевны, миниатюрной дамы лет 80, стоял большой портрет Грина, и разговор зашел о нем. Автор статьи сказал, что он читает лекции о Грине в курсе зарубежной литературы XX в., хотя с ним говорил «литературовед в штатском», настоятельно рекомендовавший не произносить в стенах университета это имя. Ивашева возмутилась и заявила, что затаила на Грина личную обиду и «с ним не разговаривает»: «Представляете? Он там на Западе заявил, что ему надоели расспросы литературоведов, он не хочет тратить на нас время и купил где-то квартиру без телефона, чтобы писать. Ну, я, само собой, тут же узнала адрес и поехала к нему!» Поразительно! В то время о поездках в капстрану нечего было и думать. При попытке раздобыть валюту можно было угодить очень далеко и надолго. Видимо, стоило догадаться, как она узнала тайный адрес в Париже, купила билеты и получила валюту...

Она продолжала: «Вот я поднимаюсь на этаж, уже с сумками, нажимаю звонок. Он открывает, одетый в спортивный костюм: “Валя! Ты откуда? Как ты узнала?” Я ему: “Грэм,пусти старую женщину!” Он мне: “Не впущу! У меня только один стул, тебе будет негде присесть... Чего ты хочешь? Ответа на твои вопросы? Ладно. Я переоденусь, спущусь на бульвар, там поговорим”. Вот я жду за дверью, он выходит в вечернем костюме, при галстукe, мы спускаемся на бульвар Монпарнас, там толпы прохожих, как всегда... Он мне вдруг: “Валя! Смотри! Какой автомобиль!” Засмеялся. Я обернулась посмотреть, потом к нему... а его нет! Смотрю: он дал деру по бульвару и исчез за углом! Такой оказался безобразник!» Она ужасно негодовала: звонила по инстанциям, ехала, летела, набила ноги, а он! Смеяться мне было неудобно, но хотелось.

Странный, эксцентричный, как его герои. Побежал стометровку в свои 79. С другой стороны, подумалось, твердый в своем решении — сказал же: «Оставьте меня в покое!» Не позволил себе нарушить свое слово.

Валентина Васильевна больше его не видела. Снова сменил адрес? Живой образ его возник и держится в памяти...

Бэлза С. В поисках «сути дела» // Грин Г. Путешествие без карты. М., 1989. С. 5–22.

Грин Г. Собрание сочинений : в 6 т. М., 1992–1996.

Грин Г. Сила и слава / пер. А. Меня. М., 1995.

Грин Г. Путешествие без карты. М., 2007.

Грин Г. Сила и слава : аудиокнига / пер. А. Меня. CD-R. SmartTrack. 52 x. 700 mb. 80 min. 2008.

Грин Г. Доблесть неloyальных // Иностр. лит. 2014. № 5. С. 12–16.

Джойс Д. Улисс. М., 1993.

Ивашева В. В. Английский роман последнего десятилетия. М., 1962.

Ивашева В. В. Английская литература. XX век. М., 1967.

Ивашева В. В. Эпистолярные диалоги. М., 1983.

Колкер Ю. К 100-летию Грэма Грина // Новая газ. : сайт (СПб.). 2004. № 73. URL: web.archive.org <http://www.novayagazeta.spb.ru/2004/73/3> (дата обращения: 12.01.2022).

Ливергант А. Грэм Грин. М., 2017.

Лодж Д. Разные жизни Грэма Грина // Иностр. лит. 2001. № 12.

Путеводитель по английской литературе / под. ред. М. Дрэббл и Дж. Стингер. М., 2003.

Шекспир Н. Грэм Грин // Иностр. лит. 1992. № 7. С. 270–271.

Dangerous Edge: a Life of Graham Greene // The Austin Chronicle. 2013. 30 apr.

Greene G. The Quiet American. СПб., 2018.

Kohn L. Graham Greene. The Major Novels. Stanford, 1961.

Статья поступила в редакцию 21.05.2024 г.